

ТВОРЧЕСТВО Е. А. БОРАТЫНСКОГО В КРИТИКЕ РУБЕЖА ВЕКОВ: К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

Н. В. Сорокина

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
Тамбов, Россия, sorok_tam@rambler.ru*

Дается обзор критических и поэтических оценок творчества Е. А. Боратынского деятелями науки и литературы двух рубежных периодов: конца XIX — начала XX веков и конца XX — начала XXI столетий. Определяются причины и специфика интереса критиков и писателей к личности и поэзии Е. А. Боратынского. Отмечаются современные формы популяризации творчества поэта, в том числе на региональном уровне.

Ключевые слова: Е. А. Боратынский; критические оценки деятелей Серебряного века; рецепция творчества; актуализация поэтического наследия; юбилейные работы.

E. A. BORATYNSKY'S WORKS IN LITERARY CRITICISM AT THE TURN OF THE CENTURY: TO THE 225th ANNIVERSARY OF THE POET'S BIRTH

N. V. Sorokina

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Tambov, Russia, sorok_tam@rambler.ru*

The article reviews poetic assessments of E. A. Boratynsky's works made by scientists and writers of two boundary periods: the end of the 19th — beginning of the 20th centuries and the end of the 20th — beginning of the 21st centuries. It explains the reasons and specific interest of critics and writers in the personality and poetry of E. A. Boratynsky. It also highlights modern forms to popularize the poet's work, including the ones introduced in the region.

Key words: E. A. Boratynsky, critical assessments of the Silver Age writers; reception of creativity; actualization of poetic heritage; anniversary works.

В юбилейные, и не только, дни для подчеркивания вневременного, становящегося с годами все более актуальным творчества Е. А. Боратынского часто цитируют строки стихотворения «Мой дар убог, и голос мой не громок...» (1828):

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я [3, с. 163].

Вопрос о том, насколько дружескими были отношения автора со своим поколением (то есть в кругу современников) и как воспринимают Боратынского читатели, критики последующих поколений — потомки, по-прежнему находится в кругу значимых проблем литературоведения.

Общая характеристика восприятия современниками поэзии Е. А. Боратынского дана в разном объеме в трудах отечественных и зарубежных историков литературы: С. М. Бонди, С. Г. Бочарова, М. Л. Гофмана, В. Э. Вацура, Е. Н. Лебедева, Ю. В. Манна, А. М. Пескова, В. Е. Андреева, Г. Хетсо. На рубеже XX–XXI вв. разные аспекты творчества Е. А. Боратынского становились предметом диссертационных исследований С. С. Кудрявкина, Л. Р. Хузеевой, А. В. Маняхина, М. М. Гельфонд, Ю. Ю. Анохиной и других. Непростая судьба поэта, во многом «запрограммированная» юношеским проступком, напряженная эмоциональная философичность, склонность к углубленным раздумьям над жизнью и человеческой судьбой как определяющие черты творческого облика и ведущие мотивы лирики Боратынского постоянно находятся в поле историко-литературного внимания ученых, что позволило Л. Е. Хузеевой говорить даже о своеобразной «мифологизации» личности поэта в отечественном литературоведении XX века [27].

Данная статья представляет краткий обзор программных критических высказываний о личности и творчестве Е. А. Боратынского деятелей двух рубежей: конца XIX — начала XX веков и границы XX–XXI столетий. Материал расставляет акценты в огромном литературно-критическом материале о Боратынском на основе рецепции поэзии писателя в двух узловых моментах истории русской литературы.

Традиционно условно выделяют три периода определенного внимания к творчеству Боратынского. Это 1820–1830-е годы, вторая половина XIX века, рубеж XIX–XX веков (Серебряный век). Первый и последний из названных — активное изучение поэтического творчества Боратынского, а вот срединный — почти забвение, связанное с общим падением отечественного интереса к поэзии. Наше время, рубеж тысячелетий, во многом благодаря юбилейным датам и переосмыслению русской классики в целом, — новая попытка обращения к творчеству Е. А. Боратынского.

Репутация Е. А. Боратынского как талантливого и успешного литератора связана с изданием в 1826–1827 годах его поэм и первого собрания лирических стихотворений. С. А. Венгеров в «Критико-биографическом словаре» (1891) обобщенно представил ситуацию вокруг молодого автора: «Литературная карьера Баратынского <...> началась с большим блеском. Достаточно было десятка стихотворений и молодой поэт сразу укрепился на тогдашнем Парнасе. Его начали ставить рядом с Пушкиным и даже считать равным ему» [10, с. 136–137]. Формальным признаком возможного сопоставления поэтов по силе таланта и значимости в истории русской словесности служит издание в 1828 г. под одной обложкой поэмы Боратынского «Бал» и «Графа Нулина» Пушкина с общим заглавием «Две повести в стихах».

Это сопоставление Пушкина и Боратынского, возникшее при жизни обоих поэтов и отчасти подсказанное и поддержанное самим А. С. Пушкиным, сохранялось и в значительно более поздних откликах. Например, Д. П. Святополк-Мирский в 1925 году, сто лет тому назад, статью о Боратынском начинает так: «Самым достойным соперником Пушкина среди современников и единственным поэтом 20-х гг., кто мог бы претендовать на эпитет «великий», был Евгений Абрамович Боратынский» [23, с. 172].

Очевидно, что формированию репутации Боратынского как большого поэта своего времени во многом способствовали отзывы о нем А. С. Пушкина. Это отправная точка в истории отечественной критической рецепции Боратынского. Пушкинские положительные, доходящие до восторженных, оценки известны: «Но каков Баратынский? <...> он превзойдет и Парни и Батюшкова» [21, с. 34]; «Баратынский — прелесть и чудо; „Признание“ — совершенство» [21, с. 84]; «Первые произведения Боратынского были элегии, и в этом роде он первенствует» [22, с. 50]. Пушкин неоднократно свидетельствовал признание оригинальности поэзии современника, человека своего поколения, в письмах и стихотворных посланиях друзьям, в использовании эпиграфов из Боратынского для своих поэтических и прозаических произведений, в стихотворных откликах на произведения друга, в прямых упоминаниях Боратынского в «Евгении Онегине».

Однако вопрос об отношении Пушкина к творчеству Боратынского изучен, по мнению А. В. Кулагина, еще недостаточно, несмотря на то, что «Баратынский — один из центральных героев в пушкинском критическом наследии. Пушкин относился к нему с особым вниманием, видел в нем своего крупнейшего литературного современника» [17, с. 164].

Пушкин трижды брался за работу о Боратынском, однако не закончил ни одной из трех начатых им статей. Но даже при незавершенности все наброски связаны общим кругом идей, общей концепцией, общей

логикой и т.д. Наиболее полно свой взгляд на поэзию Боратынского Пушкин выразил в статье, начатой в 1827 году под влиянием выхода в свет стихотворений Боратынского. В первых абзацах складывается образ поэта — «первоклассного», но, «(быть может) еще недовольно оцененного своими соотечественниками» [22, с. 50]. Уточним, что отчасти формированию такого мнения (не только у Пушкина) способствовали строки самого Боратынского, например, из стихотворения «Лиде» (1821):

Не многим избранным понятен
Язык поэтов и богов [3, с. 48].

Так проступает мысль о непонимании настоящего поэта публикой, критикой, об ограниченности и избранности читательской аудитории Боратынского: «Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонно<стию> журналов. Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действуют на толпу, чем преувеличение <exagération> модной поэзии, <...> как бы то ни было, критики изъясляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение» [22, с. 74].

В начале наброска статьи 1830 года содержится ставшая хрестоматийной фраза Пушкина: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» [22, с. 185]. Принципиально важно обращаться к полному цитированию этого высказывания Пушкина, не ограничиваясь лишь его начальной, пусть и ярко-афористичной фразой. Как предупреждает Е. Лебедев, оперировать им следует «с большой осторожностью», чтобы понять с точностью и полноценно определение великого поэта, видевшего оригинальность Боратынского «в том, что мысль и чувство у него неотделимы» [18, с. 88]. Ведь своим мнением Пушкин «намеренно отводил от поэта возможный упрек в противопоставлении мысли и чувства, рационального и эмоционального» [18, с. 88].

Примером однобокой трактовки этой пушкинской оценки может, как ни странно, служить размышление Д. П. Святополк-Мирского — в целом очень тонкого, глубоко знающего и активно популяризовавшего русскую классическую литературу и в эмиграции, и по возвращении в России. Критик своеобразно развивает мысль Пушкина и комментирует строки стихотворения «Мой дар убог и голос мой негромок» так: «Творчество зрелого Баратынского (включающее все его стихи, написанные после 1829 г.) показывает, что Баратынский — поэт мысли, быть может, из всех поэтов „глупого девятнадцатого века“ единственный, сумевший сделать

из мыслей материал для поэзии. Это отчуждало его от молодых современников, да и от их *потомков* во второй половине столетия, для которых мысль и чувство были едины» (*здесь и далее курсив наш.* — Н. В.) [23, с. 174]. А ведь Пушкин говорил и о рациональном, и об эмоциональном началах в поэзии Боратынского. Но, как видим, не всем удалось и удастся избежать некорректного истолкования пушкинского высказывания.

Сложным, изменчивым было отношение В. Г. Белинского к поэтическим творениям Боратынского. Это стало своеобразным рубежом в общей картине критической рецепции поэзии Боратынского, так как авторитет Белинского существенно влиял на общее читательское и писательское восприятие творений автора. Великий критик вскользь говорил о Боратынском в «Литературных мечтаниях» (1834) и более обстоятельно — в рецензии 1835 г. «О стихотворениях Баратынского».

Статья «Стихотворения Боратынского» (1842) стала по-настоящему серьезной попыткой, хотя и противоречивой, определить место поэта в истории русской литературы. Поводом явился сборник стихотворений Боратынского «Сумерки» (1842), «безотраднейшая книга» поэта (В. Брюсов). Это была последняя книга стихов поэта, по существу завершившая весь его творческий путь. Таким образом, эта статья Белинского оказалась итоговой в характеристике всего творчества Боратынского. «Сумерки» — первая в русской поэзии книга со своим названием. Ранее поэтические сборники, и не только у Боратынского, назывались просто: «Стихотворения». Название у Боратынского появилось не случайно. Оно говорило о многом: «И о том, что золотой век русской поэзии XIX века ушел в прошлое, и о том, какая эпоха стояла на дворе, и о том, что не только отдельное стихотворение, но и книга стихов может стать особым *словом* поэта» [26].

Белинский в целом отозвался отрицательно, назвав сборник созданием «поэта уже чуждого нам *поколения*» [5, с. 464]. «Сумерки» Боратынского «роковым образом несовременны и социальную значимость могут получить только в другую историческую эпоху» [23, с. 163], — значительно позже скажет Святополк-Мирский, еще раз акцентируя внимание на значительном опережении Боратынским идей своего века, на предназначении поэзии будущим читателям-*потомкам*.

В стихотворении Боратынского «Когда твой голос, о поэт...» можно видеть косвенный ответ Белинскому. Это последнее стихотворение, опубликованное Боратынским после выхода «Сумерек» и до самой смерти. Можно говорить о своеобразном диалоге поэта и критика — диалоге не просто в формате переписки, но и в форме настоящих пространственных критико-поэтических высказываний-реплик.

Но в 1844 году газеты и журналы того времени почти не откликнулись на кончину Боратынского. Лишь Белинский сказал вдохновенные и

проникновенные слова: «Вообще поэзия Баратынского — не нашего времени; но мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них *человека* — предмет вечно интересный для человека» [5, с. 448].

Наступившее после 1840-х годов временное забвение лирики Е. А. Боратынского во второй половине XIX века было преодолено на рубеже XIX–XX столетий. Оживлению внимания способствовали и несколько юбилеев: 1899 год — 100 лет со дня рождения Пушкина (и соответственно, повышенный интерес ко всему, что связано с ним); 1900 год — 100 лет со дня рождения поэта. Вот, например, фрагмент статьи Бунина, написанной к вековому юбилею Боратынского: «Баратынский родился и провел свое детство в Тамбовской губ., то есть в такой местности, которая, подобно всей остальной полосе средней России, не может своими природными условиями производить какого-либо сильного впечатления: все тихо, мирно, скромно; здесь чаще всего могут под влиянием природы возникать или элегические, или идиллические настроения. Элегический оттенок, несомненно, присущ очень многим русским поэтам, а в Баратынском он сказан особенно сильно. Но ему не чуждо и мирное идиллическое настроение» [9, с. 518].

Во-вторых, и это главное, возрождение Боратынского произошло во многом благодаря символистам, обратившимся в поисках опоры для новой эстетики к поэзии предшественников и ведущих свою линию от Пушкина и Боратынского через Тютчева. Русские символисты оценили Боратынского как поэта, по словам А. Блока, «опередившего, свой век в одиноких мучениях и исканиях» [6, с. 190], «чья задумчивая и глухоторжественная мелодия кажется голосом темной памяти о каком-то давнем живом знании, открывавшем перед зрячим некогда взором поэта тайную книгу мировой души» [13, с. 597].

Это было, пожалуй, первое существенное признание *потомками* поэзии Боратынского. обстоятельный разбор проблемы «Баратынский и символисты» представлен, в частности, в одноименной статье Г. О. Винокура, републикация которой осуществлена в дни празднования 200-летия со дня рождения поэта [11], в работах В. Н. Крылова [15] и других исследователей.

Не все представители Серебряного века посвятили Боратынскому специальные, монографические, работы, как, например, А. Белый, В. Брюсов, но отдельные многочисленные высказывания о поэте выявляют их отношение к его лирике. Обратимся к некоторым из них.

Общее мнение выразил Ю. Айхенвальд: «От присутствия Баратынского в нашей словесности стало как-то умнее, чище и серьезнее, и без него русская поэзия была бы скуднее мыслью и много потеряла бы в благородной звучности» [1, с. 106].

Наиболее ярко представление В. С. Соловьева о поэзии Боратынского воплощено в статье «Поэзия гр. А. К. Толстого» (1895). Один из ключевых моментов — классификация русских поэтов, согласно которой творчество Боратынского и Лермонтова предстает как антитеза пушкинскому. Считая Боратынского «умом более развитым и зрелым», чем Лермонтов, Соловьев допускает «некоторую видимость объективных оснований» для «критического, отрицательного отношения к собственной жизни и к окружающей среде» [24, с. 125]. Справедливо, что «лирика Боратынского была воспринята В. Соловьевым как отражение кризисного, но закономерного этапа в развитии русской поэзии» [2, с. 313].

Схожую с позицией В. Соловьева точку зрения разделял В. Брюсов: «Развитие Баратынского — это история развития нашего общества, только Баратынский быстрее прошел все ступени. Вспомним же, что этими ступенями были: сначала беспечный эпикуреец, или деланная разочарованность, потом рассудочное миропонимание с тяготением к буддизму и, наконец, покаянное возвращение к вере» («Мировоззрения Боратынского» (1898)) [8, с. 38]. Лидер символистов ратовал за справедливое восприятие Боратынского и круга поэтов, с ним связанного, рассматривал в гармоническом единстве, что свойственно символистам, творчество и личную жизнь поэта: «Значение Баратынского столь велико, что никакие юношеские стихи не могут его умалить; никакая вновь обнаруженная черта его жизни не может затмить его светлый облик как человека». Последнее уточнение Брюсова во многом связано с начавшейся распространяться после публикации писем Боратынского теорией сальеризма. Высказывалось, в частности, И. Л. Щегловым, малообоснованное утверждение о том, что в образе Сальери Пушкин отразил свое мнение о характере дарования Боратынского и что это могло сказаться на их отношениях [28], с чем решительно не согласился В. Я. Брюсов [7].

Интересную трактовку «глубоким и скромным достоинством стихов» строкам «читателя найду в потомстве я» Боратынского дал О. Э. Мандельштам в статье «О собеседнике» (1913). Он уподобил далекое, как представлял будущее своей поэзии Боратынский, признание и открытие читателем мыслительного содержания поэзии Боратынского — моменту неожиданного обнаружения неизвестным человеком запечатанного мореплавателем в бутылке послания: «Письмо, равно и стихотворение, ни к кому в частности не адресованы. Тем не менее оба имеют адресата: письмо — того, кто случайно заметил бутылку в песке, стихотворение — „читателя в потомстве“. Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Боратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени. <...> Проницательный взор Боратынского устремляется мимо поколения, — а в поколении есть друзья, —

чтобы остановиться на неизвестном, но определенном „читателе“. И каждый, кому попадутся стихи Боратынского, чувствует себя таким „читателем“ — избранным, окликнутым по имени» [19, с. 7].

Наши современники, *потомство*, и сейчас пытаются объяснить избранность поэзии Боратынского и случившееся охлаждение к нему с конца 1830-х и отчасти продолжающееся и теперь. Критик Е. Коновалов, к 200-летию юбилею, продолжая высказанную Ю. В. Манном 30 лет назад мысль о необходимости Боратынского [20], призывает: «Поэт, во многих отношениях стоящий вровень с Пушкиным, до сих пор обладает репутацией второстепенного и, что называется, для немногих. Побудем немного этими немногими» [14]. Можно вполне согласиться с Е. Коноваловым в том, что «поэт во всем шел против литературного течения»: «Архаическая и абстрактная лексика, затрудненная артикуляция, суровость приговора, старомодная одическая интонация, сам предмет речи — все, чтобы демонстративно оттолкнуть поверхностное восприятие, нарушить читательское ожидание» [14]. М. М. Гельфонд на вопрос «Почему, на ваш взгляд, Боратынского не вполне оценили современники?» ответила в 2020 году так: «Боратынский <...> поэт сложных совмещений, поэт, который все время нарушает конвенции читательских ожиданий. Читатели ждут элегии, а он пишет „Недоноска“, трагическое и совершенно гротескное стихотворение, которое предвещает то ли раннего Заболоцкого, то ли „Осенний крик ястреба“ Бродского. От его стихотворения „Осень“ ждут типичного развития осенней элегии — а оказывается, это история о голосе, который остается не услышанным и обреченным на бессмысленное существование. Читатель не был готов к тому, чтобы и лексически, и стилистически, и в жанровом отношении воспринимать Боратынского» [12].

В преамбуле к свежей (2024) публикации подборки стихотворений тамбовских поэтов в журнале «Нева» поэт и критик М. Кудимова уверенно назвала Боратынского великим поэтом: «Тамбов на карте генеральной отмечен присутствием не только члена союза Председателей земного шара Давида Бурлюка, но в первую голову — столпов русского романтизма Евгения Баратынского и Михаила Лермонтова» [25, с. 82]. В юбилейной статье к 225-летию поэта М. Кудимова с грустью замечает: «С Баратынским все оказалось сложнее. Он до сих пор не занял подобающего его дарованию места» [16]. Иначе говоря, «потомки-читатели» продолжают активно, но не всегда успешно, осваивать, постигать «оригинальность» во многом интеллектуальной поэзии Е. А. Боратынского.

Таким образом, критических откликов о личности и поэзии Боратынского, высказанных представителями рубежа XIX–XX и XX–XXI веков, достаточно. Но они, к сожалению, на данный момент, еще недостаточно систематизированы. Имеются отдельные удачные опыты такого

обобщения. Это монография норвежского слависта Г. Хетсо «Евгений Баратынский: жизнь и творчество» (Oslo, 1973); библиографический указатель «Е. А. Баратынский», подготовленный сотрудниками Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина (2020). Научная лаборатория ИМЛИ им. А. М. Горького РАН «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте» осуществила проект «Творчество Е. А. Боратынского: западная и отечественная литература о поэте». Значительно расширяет исследовательские, читательские возможности ресурсная база сети Интернет. К тому же, «на сегодняшний день очевиден значительный разрыв между академическим изучением Боратынского и представлениями о нем так называемого массового читателя» [27, с. 59].

Поэтому требуется отдельное издание, возможно, в серии «PRO et contra» (в книгах этой серии предпринимается попытка собрать самые разнообразные отзывы о творчестве выдающихся личностей отечественной и зарубежной культуры), чтобы обобщить, полноценно представить работы о том, кого вслед за Пушкиным, и современники, и потомки называют поистине «оригинальным» русским поэтом — о Е. А. Боратынском.

Библиографические ссылки

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1907. Вып. 1.
2. Анохина Ю. Ю. Личность и поэзия Е. А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX — начала XX века : Вл. Соловьев и В. В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. М., 2018. С. 310–324.
3. Баратынский Е. А. Полн. собр. Стихотворений : в 2 т. Л. : Сов. писатель, 1936. Т. 1.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / редкол. : Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. Статьи и рецензии. 1842–1843.
5. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / редкол. : Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М. : Изд-во АН СССР, 1955. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. Статьи и рецензии. 1843–1845.
6. Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом). М. : Наука, 2003. Т. 7 : Проза (1903-1907).
7. Брюсов В. Я. [В. Б.] Баратынский и Сальери // Русский архив. 1900. Кн. 2, № 8. С. 537–545.
8. Брюсов В. Я. Собр. соч. : в 7 т. М. : Худ. литература, 1973. Т. 6.
9. Бунин И. А. Собр. соч. : в 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М. : Худ. литература, 1967. Т. 9.
10. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых : От начала русской образованности до наших дней. СПб., 1891. Т. 2, вып. 22–30.
11. Винокур Г. О. Баратынский и символисты // К 200-летию Боратынского : Сборник мат-лов междунар. научн. конф., состоявшейся 21–23 февраля 2000 г.

(Москва — Мураново). М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 28–49.

12. *Гельфонд М. М.* «Поэт выше Пушкина» : загадка стихов и смерти Евгения Боратынского. URL: <https://www.mk.ru/culture/2020/08/28/poet-vyshe-pushkina-zagadka-stikhov-i-smerti-evgeniya-boratynskogo.html?ysclid=m7ki9inu78541738818> (дата обращения: 21.10.2025).

13. *Иванов Вяч.* Собр. соч. : в 4 т. Брюссель, 1974. Т. 2.

14. *Коновалов Е.* О Боратынском и о нас // Вопросы литературы. 2020. №4. URL: <https://voplit.ru/column-post/o-baratynskom-i-o-nas/> (дата обращения: 21.10.2025).

15. *Крылов В. Н.* Поэзия Е. А. Боратынского в интерпретации и оценке символистской критики // Слово и мысль Е. А. Боратынского : Тезисы междунар. научн. конф., посвященной 200-летию со дня рождения Е. А. Боратынского (Казань, 21–24 марта 2000 г.). Казань, 2000. С. 39–41.

16. *Кудимова М.* Он страстное земное перешел. К 225-летию Евгения Баратынского. URL: <https://gostinaya.net/?p=25838> (дата обращения: 21.10.2025).

17. *Кулагин А.* Пушкинский замысел статьи о Баратынском // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. СПб. : Наука, 1991. С. 162–165.

18. *Лебедев Е.* Тризна. Книга о Е. А. Боратынском. М. : Современник, 1985.

19. *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. / Сост. А. Г. Мец. М., 2010. Т. 2.

20. *Манн Ю. В.* Необходимость Боратынского // Вопросы литературы. 1994. №1. С. 135–164.

21. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 16 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. Переписка, 1815–1827.

22. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 16 т. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834.

23. *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск : Изд-во «Свинын и сыновья», 2009.

24. *Соловьев В. С.* Литературная критика. М. : Современник, 1990.

25. Тамбовские лирики / предисл. М. Кудимовой // Нева. 2024. № 10. С. 82–91.

26. *Федякин С. Р.* Поэты-мыслители : Евгений Боратынский. URL: <http://artbuhta.ru/indexpoety-mysliteli-evgenij-boratynskij.html> (дата обращения: 21.10.2025).

27. *Хузеева Л. Р.* Мифологизация личности Е. А. Боратынского в русском литературоведении XX века // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 54–60.

28. *Щеглов И.* Нескромные догадки // Торгово-промышленная газ. 1900. № 28 (9 июля).